

Покончив с благовониями, Сун Янь едва заметно кивнул Бабушке Хуан, чьё пение и ритуальный танец не прекращались ни на миг, и направился к неприметной двери в глубине поминального зала. Проходя мимо алтаря с фотографией покойной, он мимоходом вытянул одну белоснежную лилию из пышного букета.

На улице уже сгущались сумерки. Пользуясь темнотой, Сун Янь прошмыгнул мимо возможных свидетелей и углубился в самый затенённый уголок заднего сада. Остановившись у старого раскидистого дерева, он бережно положил цветок на землю и сел рядом, скрестив ноги.

— Ты... ты меня видишь?

Призрак младшей невестки семейства Ли был красавицей в подлинном смысле этого слова. Даже посмертная бледность и печать перенесённых страданий не могли испортить её черты. Впрочем, Сун Яню до её красоты дела не было. Для него призраки делились лишь по возрасту, полу и степени опасности: от обычных теней до свирепых призраков. Женщина перед ним как раз находилась на грани — она медленно, но верно превращалась в свирепого призрака. Ночные бдения монахов из храма Линцзюэ не только не упокоили её душу, но и, казалось, лишь ускорили это жуткое перерождение.

— Вижу, — кивнул Сун Янь, снимая рюкзак и поудобнее устраивая его на коленях.

Яо Цин замерла в трёх шагах от него, не сводя с юноши пристального взгляда. Наконец она решилась подойти ближе и тоже опустилась на землю.

— Меня зовут Яо Цин. Я дочь семьи Яо из Восточного города, — начала она, торопливо и сбивчиво излагая свою историю, ту самую «одержимость», что не давала ей уйти за грань. — Мы с Ли Сы женаты два года. В августе прошлого года я забеременела... малышом.

Крупные капли слёз покатались по её щекам. На белом платье всё ещё угадывались очертания фигуры женщины, совсем недавно ставшей матерью.

— Мы с Ли Сы были друзьями детства. После университета родители настояли на свадьбе. Я не была против — какая разница, за кого выходить? К тому же за моей спиной стояли отец, мать, брат и сестра. Я была уверена, что он не посмеет меня обидеть...

Она горько усмехнулась собственной наивности, которая в итоге её и погубила.

— Поначалу всё шло неплохо. Мы не были безумно влюблены, но жили ладно.

Сун Янь слушал молча. Как и всегда, он не перебивал. Возможно, потому что он был единственным, кто мог их слышать — почти каждый встречный призрак считал своим долгом излить ему душу. Кто-то говорил связно, кто-то — обрывками фраз. Одни вспоминали о счастье, но в большинстве рассказов сквозила лишь подавленная горечь.

— Всё изменилось в этом году, на праздник. Я случайно узнала... что у него есть женщина, которую он действительно любит.

Слёзы на её лице высохли, сменившись мрачной, тяжёлой аурой, присущей свирепым призракам. Взгляд Яо Цин, устремлённый на Сун Яня, наполнился тьмой, а голос стал глухим и низким. Но тут она вдруг рассмеялась — дико, полным иронии и злобы смехом.

— Он влюблён в собственную невестку! Ли Сы — трус и ничтожество! Нравится ему инцест — так любил бы себе тихо, но нет, он затащил в это болото и меня!

Последовала череда яростных проклятий в адрес мужа. Сун Янь понимал: дело было не в простой ревности. Обычные духи не становятся свирепыми без причины — для этого нужна ярость, выжигающая всё изнутри, или запредельная несправедливость.

— К тому моменту я была уже на шестом месяце! Малыш... он уже был таким большим...

Сделать аборт на таком сроке без риска для жизни было невозможно. Яо Цин решила: она родит ребёнка, но сразу подаст на развод. Из уважения к их общему прошлому она пообещала сохранить тайну Ли Сы и никому не рассказывать о его постыдном влечении. Но Ли Сы, всегда такой вежливый и рассудительный, вдруг преобразился. Он наотрез отказался от развода, и когда вспыльчивая по характеру Яо Цин начала сыпать угрозами, его взгляд изменился.

— «Ли Сы, ты разведёшься со мной, хочешь ты того или нет, иначе...» — я не успела договорить.

Яо Цин невольно вздрогнула. Тогда она не поняла, что означал этот взгляд. Они знали друг друга двадцать лет, и она даже в страшном сне не могла представить, что он решится на убийство, чтобы заставить её замолчать.

— Я была здоровой женщиной, беременность проходила легко. Я не могла умереть при родах... Это Ли Сы убил меня!

Воздух вокруг неё задрожал от избытка энергии Инь. Вдруг она подалась вперёд, а затем резко отпрянула, словно в любую секунду ожидая удара или пытаясь сбежать.

— Семья Ли до сих пор не хочет оставить меня в покое. Натравили этих монахов и крысолова... А ты? Ты тоже пришёл причинить мне вред?

— У тебя есть доказательства? — вопросом на вопрос ответил Сун Янь. — Если семья Яо узнает правду, они помогут тебе?

Смерть Яо Цин затрагивала интересы двух могущественных кланов, и Сун Янь не мог просто так вмешаться. Риск был слишком велик. Если семья Яо не встанет на сторону дочери, Сун

Янь, помогая ей, подставит под удар и Бабушку Хуан, и Старика Суна.

— Ты можешь... можешь отвести меня к родителям? К брату или сестре?

Зловещие нотки в её голосе исчезли, сменившись мольбой. Став призраком, она оказалась запертой в поместье Ли. Она не могла выйти за порог, не видела ни родных, ни своего ребёнка.

— Я заставлю их поверить тебе. Пожалуйста, умоляю, помоги мне.

Сун Янь не ответил сразу. Он обернулся: к ним быстрым шагом приближался Линь Жуйцзинь.

— Сделаем так, — быстро прошептал Сун Янь. — Денег семьи Ли мне не видать, так что твоим родным придётся выплатить мне комиссионные.

Не дожидаясь ответа, он подхватил рюкзак и цветок, выходя из-за дерева навстречу молодому даосу. Линь Жуйцзинь от неожиданности едва не подпрыгнул.

— Сун Янь? Что ты тут забыл?

Справившись с замешательством, Линь Жуйцзинь натянул на лицо улыбку, пряча за спину правую руку, в которой зашевелилась Пожирающая инь крыса.

— Свежим воздухом дышу, — бросил Сун Янь, отделяясь от него парой дежурных слов. Кивнув, он обошёл даоса и направился обратно к залу.

Линь Жуйцзинь перестал улыбаться. Глядя в спину юноше, он процедил сквозь зубы:

— Не мни о себе слишком много, Сун Янь. И не вздумай путаться у меня под ногами.

Врождённые «Инь-Ян очи» — это, конечно, редкость, но самоучке вроде Сун Яня никогда не сравниться с ним, истинным наследником великого клана. Линь Жуйцзинь считал, что делает одолжение, просто разговаривая с этим бродягой, а тот смеет вести себя так заносчиво.

Сун Янь даже не обернулся. Он спокойно вернулся в поминальный зал и положил лилию обратно в букет. Заметив его, Бабушка Хуан тут же объявила «перерыв» и прекратила танец. Когда она опустилась на молитвенный коврик, Старик Сун и Сун Янь сели рядом, создавая видимость некоего таинственного обряда.

— Ну что там? — в лоб спросила старуха.

Сун Янь на мгновение задумался, прикрыв глаза.

— Позже отдашь мне «Одежду тысячи лоскутов» и веер, — вполголоса произнёс он. — Вторую часть танца исполню я сам.

Бабушка Хуан и Старик Сун, не раз видевшие ритуальный танец в исполнении парня, не смогли сдержать эмоций — настолько пугающей была его техника. Они чуть не выдали себя, вовремя спохватившись.

— Ты что задумал? — прошипела Бабушка Хуан. — Решил всё сорвать?

— Семья Ли слишком скупа, — невозмутимо пояснил Сун Янь. — В прошлый раз мы подняли расценки, с чего бы нам теперь их снижать?

Шестьсот юаней за троих на три дня — столько они раньше зарабатывали в городке Сяохэ за один день. Сун Янь вовсе не клеветал на нанимателей: по сравнению с суммами, которые Ли выплачивали монахам и даосам (а те исчислялись десятками тысяч), их вознаграждение выглядело издевательством.

Старики переглянулись. Возражений не последовало. Бабушка Хуан ловко сбросила ритуальное одеяние, а Старик Сун отправился «очищать площадку», разбрызгивая воду.

Сун Янь поднялся, оставив рюкзак у коврика. В тот же миг из керамического кувшина медленно соткался силуэт Му Сю. Король призраков устроился на пуфике, подперев голову ладонью, и восторженно уставился на юношу.

— Янь-Янь... танцует... Красиво!

Его Янь-Янь снова будет танцевать только для него! Сун Янь не стал спорить. Он слегка наклонился и потрепал Му Сю по макушке.

— Смотри внимательно, но сиди смирно.

Затем он вскинул взгляд на черно-белое фото Яо Цин.

— Тебя это тоже касается.

<http://bllate.org/book/17502/1657637>